– Скучно, – пожаловался Мих.

– Займись чем-нибудь конструктивным, – отозвался из-за книги Витольд Львович.

Сам господин даже в их служебном бездействии находил для себя массу полезных занятий. Один день у него пошел на чистку револьвера и заточку клинка в трости. Другой на полную, или как выражался Меркулов, «генеральную» уборку (Мих сначала насторожился, ибо ожидал, что посмотреть, как они вычищают кабинет, явится некий генерал), потом вот сел за книги. А ему, орчуку, спрашивается, что делать?

Нет, пробовал, конечно, полукровка по примеру титулярного советника в чтение удариться. Но тягостно целыми днями над книгами корпеть, глаза устают, лоб затекать начинает, в висках стук происходит. Да и большей частью держал у себя Витольд Львович все труды бермудные, подкупая новые все с теми же замысловатыми названиями: «Воображаемая геометрия» Лобачевского, «Хирургическая анатомия артериальных стволов, с подробным описанием положения и способов перевязки их» Пирогова, «История государства Славийского» Карамзина.

Миху же нравились романы, обязательно с приключениями. Чтобы герой в них либо стрелял метко, либо силой обладал исключительной или ловкостью, а геометрии эти – муть одна сплошная. Вот и приходилось теперь орчуку сидеть подле Меркулова на крепком табурете (сумел у сослуживцев выпросить, ведь в самом кабинете выделенном только шкаф, стол да стул господский, а про полукровку вроде как забыли) и откровенно скучал. То потолок начнет рассматривать, то пальцем возить по стене начнет, то нос почешет.

Уж как хотел орчук, чтобы поскорее закончилась круговерть опасная, а вот завершилась она, и непривычно теперь. Едят как положено, по три раза в день (полденные перекусы тут не в счет), спят тоже по режиму особому, чтобы глаза с утра не продирать через силу, даже на службу пешком стали ходить неспешно, а все равно скучно.

За окном зашуршало, появилась сначала одна рука, потом вторая, а после внутрь влез и сам Сенька. За пазухой у него была спрятана свежая, но уже смятая газета с загнутыми углами. Мальчишка по-хозяйски огляделся, вытер вечно сопливый нос и кивнул орчуку.

– Дядя Мих, дай пирожок.

– Еще тебе чего дать? – Спросил полукровка с напускной строгостью. – Сколько раз тебе говорили, не лазить через окно. Двери для чего?

– Ой, там пока бумагу выпишут, пока вас известят, пока пустят, полдня просидишь, – стал вытаскивать газету мальчишка. – А тут по трубе взобрался, и все. Ну дядя Мих, дай пирожок, смотри чего принес.

Он протянул свернутые листы, но не орчуку, а сразу Меркулову. Витольд Львович оторвался от книги, взял газету, поданную не с первой страницы, а с четвертой и стал читать вслух.

– По причине здоровья моршанский обер-полицмейстер Муханов Александр Александрович, полный кавалер орденов и… – титулярный советник пробежал глазами менее любопытное и остановился на самом значимом, – подал прошение Его Императорскому Величеству о выходе на пенсию… Мих, да дай ты уже Сеньке пирожок… В ближайшее время Его превосходительство отправится в родовое имение под Охотском.

– Это ж у черта на рогах, – удивился орчук, вынимая из-под ручника купленные утром

пирожки.

– Я думал, его в острог упрячут, – схватил грязной рукой угощение мальчишка и тут же кусая, – у… с капустой. Вчера лучше были.

– Вот ты вчера и приходи. Да и вовсе болтать тебе об обер-полицмейстере не положено. Смотри, у меня, разболтаешь кому…

– Дядя Мих, так я же свой, я ж ни в жисть!

Как ни странно, тянулся мальчишка к Миху, да и орчук Сеньку полюбил. Вихрастый, смышленый, шустрый, единственно только улица на нем уже отпечаток свой поставила: и манерами, и поведением. С жизнью прошлой и общением он не завязал, якшался с личностями всякими подозрительными. Через это у Миха с Витольдом Львовичем основные споры и шли. Меркулов упорствовал, что мальчишку к хорошей жизни надо через доброту и ласку приводить, Мих же упор делал на строгость и дисциплину.

– Дядя Мих, а ты возьми завтра с рыбой, ужо они вкусные, жуть.

– Через дверь зайдешь, возьму.

– А как же ты возьмешь, ежели покупаешь утром, а я к обеду прихожу?

– Вот так. А научишься как человек являться, закажу большой орчий пирог с мясом и весь тебе отдам.

– Да ну? – Чуть не подавился капустой Сенька и задумался.

– А и вправду, господин, чего Его превосходительство в острог не отправили?

– Если арестовывать Муханова в открытую, то придется и статью раскрывать. А вы сами только подумайте, обер-полицмейстер столицы и изменник. Смута будет. К полиции, опять же, доверие утратится. Лучше Александра Александровича в ссылку отправить, да подальше, чтобы не разболтал чего. Думается мне, не вернется он оттуда уже, надзор за ним будет соответствующий.

– Дядя Мих, дай три копейки.

– На что тебе?

– Как на что, за газету отдать. Я же почти воровать перестал.

– Как же тебе газету отдали?

– Да я и не спрашивал. Знаю же, что обернусь с деньгами, а так лишний раз бегать придется.

Вздохнул орчук, ну что с мальчонкой этим делать будешь, но все же деньги дал. Тяжело он теперь с каждой копейкой расставался. Поистрепало их положение плохая расчетливость Витольда Львовича: туда, Мих, денег дай, сюда выдай. Чуть крепко не поругались, но все же полукровка своего добился и теперь все вопросы, с тратами связанные, самолично решал.

– Идет кто, – прислушался Меркулов, – к нам.

– Ну я тогда побег. До свиданья, Витольд Львович, до свиданья, дядя Мих.

– Забегай уж завтра, возьму пирожков с рыбой, – сказал вдогонку орчук.

Только Сенька скрылся за окном, как в дверь постучали. Не для того, чтобы спросить позволения, скорее для порядку, потому как сразу после этого в их крохотный кабинет вошли двое знакомцев. Первым шагал великий князь, а за ним следовал румяный Петр Андреевич, смущенно поправляя очки.

– Добрый день.

Мих вскочил с табурета с такой скоростью, что его не опрокинул. Витольд Львович тоже поднялся и поклонился. Его Высочество с некоторой брезгливостью осмотрел кабинет, а точнее крохотную комнатку, где четверым, один из которых был орк-полукровка, было тесно, и подошел к окну.

– Приехал я, Витольд Львович, по вашу душу. Ну и дабы прояснить кое-что. Думаю, вам любопытно будет узнать некоторые детали.

Великий князь с большим пренебрежением посмотрел на пододвинутый Михом табурет и остался стоять.

– Во-первых, разрешите мне познакомить вас с новым обер-полицмейстером Моршана.

Петр Андреевич покраснел как девка на выданье, его сил хватило лишь чтобы улыбнуться и поправить сказанное.

– Всего лишь исполняющий обязанности, как и Витольд Львович.

– Будьте покойны, Петр Андреевич, ваше назначение мой брат подпишет в ближайшее время. Что до Витольда Львовича, и ему в исполняющих более ходить не придется. Приказ о вашем назначении приставом следственных дел по особым поручениям уже должным образом составлен и лежит на столе у обер-полицмейстера. Осталось лишь подписать.

– За этим дело не станет, – кивнул Его высокородие.

– Я вижу в вашем взгляде некоторые вопросы, – усмехнулся великий князь.

– У меня множество вопросов, Ваше Высочество, – Витольд Львович задумался, но тут же оживился, – не сочтите за грубость, просто я человек прямой, с большим уважением отношусь к Петру Андреевичу и нисколько в нем не сомневаюсь…

– Но почему он? – Усмехнулся великий князь.

Новоиспеченный обер-полицмейстер покраснел еще больше, снял очки и стал утирать пот со лба. Понял Мих, что это скорее от волнения – погоды теперь стояли свежие, иной раз и озябнуть можно было с раннего утра.

– Да, Николай Соломонович герой войны с орками, а Константин Никифорович все же первый полицмейстер, его Александр Александрович очень выделял.

– Вот именно что выделял, а в нынешнем состоянии это сродни обвинению. Могли и вовсе выслать из Моршана, но оставили, даже должность сохранили. Не время еще до чисток. К тому же близок он Аристову, а обер-полицмейстер независим должен быть от чужого влияния. Потому же, кстати, и Николая Соломоновича не поставили. Не последней семьи будет, тут

хочешь не хочешь, давить на него станут. Да и признаться, глуп. Не то чтобы совсем, на своем месте он хорош, но вот над всей столицей его ставить боязно. Вот Петр Андреевич всем хорош.

Великий князь промолчал, но потом добавил.

– Спрашивайте, Витольд Львович, спрашивайте. Для того сюда и прибыл, чтобы на все ваши вопросы ответить. Признаться, выручили вы не только меня, но и Государя Императора. Да что я вам говорю, сами все разузнали.

– А что с аховмедцами?

– Достигнуто общее согласие. Завтра они подпишут с дрежинцами мирный договор, а после уедут к себе в Матар.

– И все это из-за мощей Рогатого Бога, – скорее заключил, чем спросил титулярный советник.

– Из-за чего же еще. Аховмедцы со своей святыней носятся как с писаной торбой. Нам же она и вовсе без дела. Признаться, ее обнаружили только в прошлом году, случайно. Какой-то книжный червь наткнулся на копыто и стал думать, отчего музей хранит копыто одного из самых неудачливых королей Аховмедии. Да и почему, собственно, копыто, отсечение перед смертью которого является у них признаком великой доблести. И разузнал такое, отчего у нас волосы дыбом встали. А тут вдруг война козлоногих с нашими давними союзниками, в ходе которой, последние потеряли три города. Вот тогда мы и достали из пыльного мешка то самое копыто…

Великий князь перевел дух, и с явным удовольствием (Миху тут пришло в голову, что не Его ли Высочеству принадлежит идея о заключении мира в обмен на святыню) потер руки.

– И гоблинарцам это вовсе не понравилось.

– Почему же гоблинарцам? – Слишком уж лукаво спросил брат императора.

– Механоид был произведен на островах, в том у меня нет сомнений, – решительно заключил Витольд Львович, – опять же, сам Александр Александрович пытался подсунуть мне гоблинарские деньги, а Черный для отвода глаз использовал аховмедские. Да и единственный славийский противник сейчас – гоблинарцы.

– Расширение не только наших границ, но и сфер влияний может задевать интересы разных государств, – мудрено ответил Его Высочество, – но вы правы, по нашим предположениям, за этим действительно стоит Тарстоун. Кто конкретно, выяснить не удалось, оказалось, что с этим дураком Мухановым встречались самые разные люди. Точнее, и прочие, и люди. Не знаю, местная ли это сеть или заезжие, теперь только предстоит выяснить. В связи с этим у меня к вам, Витольд Львович, предложение.

– Я весь во внимании, – кивнул титулярный советник.

– Затевается нечто нехорошее, уж поверьте, я это нутром чувствую. И мне нужны люди. Хорошие, доказавшие свою полезность делом. Вас определят в мои личные гоф-фурьеры. Официально, конечно. А так будете заниматься личными поручениями того щекотливого плана, что и встречались в работе с аховмедским делом. Покажете себя во всей красе, а в этом я не сомневаюсь, не за горами и камер-фурьерство, а это шестой чин по табели. Ну же, не молчите. Я намерен получить ответ прямо сейчас.

– Если прямо сейчас, – титулярный советник задумался, – тогда я вынужден отказать вам.

– Что?! – Брови великого князя против воли поползли вверх. – Потрудитесь объясниться.

– Вы немалый человек по силе в Славии. Да и в доброжелательности вашей в отношении Империи и Его Величества сомневаться не приходится. Но я боюсь, что мы не сойдемся характерами. Человек вы резкий, не привыкший слушать здоровую критику, даже Муханов в этом отношении был более терпеливым. Поэтому идти к вам и выслуживаться против воли, я не хочу и не буду. Уж простите, Ваше Высочество.

– Да что ты себе позволяешь мальчишка?! – Закричал великий князь. – Неужто думаешь, что тебе подобное каждый день предлагать будут? Тебе, сыну изменника, якшающемуся с полукровками?

– Ваше высочество, – чуть ли не дрожа, произнес Петр Андреевич, – будьте добры, держите себя в руках.

– Да ты выше титулярного теперь за всю жизнь не поднимешься, дурак, – отмахнулся от обер-полицмейстера гневливый брат Императора, – более того, я тебя на этой должности и закреплю. Только не как пристава по особым поручениям, а самого обычного. Станешь разбирать, как пьянь всякая друг дружку в подворотнях режет.

– Ваше высочество, – блеснул стеклами очков полицейский, – полноте.

– Нет, ты видел, Петр Андреич, какой мерзавец? Я к нему с открытым сердцем, а он… Пойдем отсюда, пока до греха не довел. Резкий я человек, видите ли…

Яростно стуча сапогами и все еще ругаясь, великий князь выскочил в коридор. Обер-полицмейстер, укоризненно покачав титулярному советнику головой, мол, что же вы так, голубчик, бросился за ним.

– Умеете вы, господин, все испортить, – вздохнул орчук и сел на табурет.

– Что же, я должен был врать и извиваться перед Его Высочеством?

– Могли хотя бы попробовать. Надо же понимать, с каким человеком разговариваете.

– Он сделал предложение, которое подразумевало два варианта ответа, – пожал плечами титулярный советник, – да и скажу тебе по секрету, ничего он с нами не сделает. Пользы от меня ему гораздо больше. А великий князь человек хоть и сомнительной нравственности, но в скудоумии его упрекнуть нельзя.

– Эх, Витольд Львович, бедовый вы человек, – вздохнул Мих, – редко кто в высоких чинах и титулах порядочности большой, но надо же и о завтрашнем дне думать.

– Надо, в этом ты совершенно прав, я вот с завтрашнего дня думаю физкультурой общей заняться для укрепления тела. Потом хочу попросить тебя подучить меня орчьему рукопашному бою, думаю, ты в этом смыслишь больше моего.

– Да не о том вы все, Витольд Львович, – вздохнул орчук и махнул рукой, вроде уж все про своего хозяина решив.

– Прочим же, что против совести велит идти, мы с тобой заниматься не будем. Если ты имеешь

намерение и дальше со мной работать, то учти это очень важное обстоятельство.

– Да что, разве я спорю, – сдался полукровка, – я ведь теперь вас не брошу. Пропадете.

Мих скорбно покачал головой, поднялся и стал расставлять купленный обед прямо на письменный стол. Вообще Витольд Львович подобного не одобрял, но и дел сейчас никаких не было, да и укрыл прежде орчук поверхность полотенцем, чтобы не испачкать. Но не успел все сделать, как послышались шаги, торопливые, тяжелые, благие вести не предвещавшие. Постучался гость нечаянный и ждать ответа стал, уже хорошо, значит, по просьбе пришел.

– Войдите, – сказал титулярный советник.

– Витольд Львович, – с порога завел околоточный, Миху откуда-то знакомый, едва только увидев Меркулова, – я к вам, по службе. У нас давеча покойника убили.

– Говорите.

– Нашли убиенного утром в подвале кабачном, а хозяин божится, что вчера вечером его там не было. Увезли его в покойницкую, ибо следов насилия не нашли, так врач нам говорит, что тот уже с седмицу мертв.

– Ну что тут такого, – разочарованно пожал плечами Витольд Львович, – убили его давно, а после перетащили на место, где и обнаружили.

– Так я самого главного не сказал. Ноги у него нет, а в то же время она есть.

– Это как? – Даже повернул голову, точно лучше пытаясь рассмотреть околоточного, Меркулов.

– А то, что ноги нет, однако щупать начинаешь – на месте она.

– Частичная невидимость у покойного? – Поднялся на ноги Меркулов и взял трость. – А покойный высокого роду?

– Да нет, мужик самый обычный.

– Очень интересно. Пойдемте скорее, нужен экипаж… Мих, не отставай.

Орчук с досадой поглядел на еду – когда вернутся, если вообще до темна не задержатся, все охолодеет, жирной пленкой покроется. Такое есть, только изжогой живот изводить. Ведь могли минут на десять задержаться да отобедать. Мих тряхнул головой, усмехнулся и сказал вслух.

– Служба.

Накрыл полотенцем котелки, хлеб и вышел прочь, плотно затворив дверь. Надобно торопиться, его господин дожидается.

Конец

http://tl.rulate.ru/book/9351/187725